

М. Н. Климова

*Томский государственный университет
Томск, Россия*

**К истории русского мифа о великом грешнике:
нарушители пятой заповеди в советской повести 1970-х годов
(Ф. Абрамов, В. Тендряков, И. Грекова)**

Метасюжет «покаяние и спасение великого грешника» получил мировую известность как часть христианской этической доктрины, закреплённую таинством исповеди. В силу ряда причин к началу Нового времени он утратил актуальность на Западе, но обрел вторую жизнь в России в качестве одного из мифов национального сознания. Для русских обработок мифа о великом грешнике характерен «соборный» подход к решению проблемы личной вины и искупления, а также тяготение к открытым финалам. Его мотивы и вариации широко представлены в произведениях русской классической литературы, не забывали о нем и советские писатели. Статья посвящена одному из вариантов бытования мифа в советский период – истории нарушителя пятой заповеди (о почитании родителей) на примере трех повестей 1970-х гг. «Поездка в прошлое» Ф. Абрамова (1974), увидевшая свет только в годы перестройки, стала одной из первых попыток правдивого изображения коллективизации. Главный герой этой маленькой повести, погружаясь в воспоминания, переоценивает людей и события юности. И свое отречение от отца, объявленного «врагом народа», ему удастся искупить лишь ценой собственной жизни. Остросюжетная повесть В. Тендрякова «Расплата» (1979) посвящена расследованию тяжкого преступления – отцеубийства, совершенного подростком, но традиционная форма детективного повествования использована в ней для постановки злободневных этических вопросов современной жизни. Изучение причин и предыстории частной трагедии семьи Карякиных выявляет слабые места во взаимодействии личности и общества, семьи и государства, а также необходимость определения допустимых границ активного сопротивления злу. «Вдовый пароход» И. Грековой (1979), яркий образец «женской прозы», повествует о жизни обитателей московской коммунальной квартиры на протяжении нескольких десятилетий. Одна из главных сюжетных линий повести – драматические отношения матери и сына в семье Громовых. Жестокый юношеский максимализм и эгоцентризм, с одной стороны, и «рабство материнской любви», с другой, воздвигают стену отчуждения между некогда близкими людьми, преодолеть которую не сможет даже запоздалое раскаяние сына. Разнообразные по творческой манере повести сближают интерес их авторов к недавним страницам советской истории, активное использование мифологем русской и мировой культуры, а также трагедийное прочтение бессмертной евангельской притчи о блудном сыне.

Ключевые слова: христианство и литература, национальные мифы, русская литература, советская литература, христианская этика, семейные отношения.

Климова Маргарита Николаевна – кандидат филологических наук, Научная библиотека Томского государственного университета (пр. Ленина, 34а, Томск, 634050, Россия, ritabelan.1954@mail.ru)

Метасюжет «покаяние и спасение великого грешника» занимает особое место в семантическом поле русской словесности. Интернациональный по своей природе и широко представленный в средневековых христианских литературах, он затем в силу ряда причин утратил актуальность на Западе, но обрел вторую жизнь в России Нового времени как один из мифов русского национального сознания [Климова, 2016]. Мотивы и вариации этого мифа наблюдаются в произведениях отечественной классики от творений эпохи романтизма до чеховской «Дуэли» и поздних повестей и рассказов Л. Н. Толстого. Читающий мир воспринял присутствие мифа как фирменный знак «святой русской литературы» (Т. Манн). Возрождаясь на крутых поворотах российской истории XX в. с постоянством архетипа, *миф о великом грешнике* остается актуальным донныне, и недавний пример тому – успех романа Е. Водолазкина «Лавр» (2012). Что касается советской литературы, условно-религиозная форма *мифа* противоречила ее официальной атеистической установке, однако к нему обращаются и советские писатели. Так, структура *мифа* использована в ряде произведений «лагерной литературы» [Климова, 2013]. Предлагаемая статья посвящена еще одному варианту бытования *мифа* в советский период – истории нарушителя пятой заповеди («Почитай отца твоего и мать твою...» – Исх: 20, 12), присутствующей как минимум в трех повестях 1970-х гг. Напомним основные черты *мифа* и особенности его русского «извода».

Так называемый *миф о великом грешнике* – историко-культурное явление сложного генезиса. Его ядро образует древняя мифологическая модель «путешествие в царство смерти», но мировую известность он обрел как часть христианской этической доктрины, реализуемой в таинстве исповеди. Композиция *мифа* подчинена богословской триаде «грех – покаяние – спасение», и в сферу его влияния могут быть вовлечены любые сюжеты, этой триаде потенциально соответствующие, что позволяет увидеть в данном явлении весьма продуктивную сюжетную схему. Значимость отдельных частей триады и их конкретное наполнение исторически сильно варьировались. Так, русский «извод» *мифа* отличают слабая разработка третьей части («спасения»), когда автор оставляет потрясенного героя на пороге новой жизни, в преддверии грядущего «подвига человеколюбия». Другая особенность «извода» – «соборное» решение проблемы личной вины и искупления героя, единого в своем грехе и покаянии со всем людским сообществом. Смысловой центр *мифа*, мифологема *великий грешник*, предполагает персонажа, способного выдержать перегрузки подъема из бездны нравственного падения к вершинам христианского идеала. По характеру преступлений *великие грешники* разделяются на несколько сюжетно обусловленных типов: *мытарь*, *блудница* (*блудник*), *разбойник*, *гонитель*, *соблазнитель / губитель ребенка*, *предатель / отступник* и, наконец, *Эдип*. О последнем надо рассказать подробнее.

В отличие от других типов *великих грешников*, *Эдип* не связан с библейским текстом, а восходит к древнегреческому мифу о герое, ставшем невольным отцеубийцей и кровосмесителем, прославленном гением Софокла. В античном сознании инцест вызывал сложный комплекс отрицательных ассоциаций [Аверинцев, 1972], а в случае Эдипа он был еще и следствием отцеубийства, отчего этот герой воспринимался всеми как чудовищный злодей. Но в мире мифов кровосмеситель подобен не только чудовищам, но и богам, чем объясняется новое возвышение героя, ставшего после смерти божеством места, хранящим Афины. Этот редкий для героя античной мифологии путь падения-восстания напоминал христианскому сознанию богословскую триаду, вводя историю Эдипа в систему привычных для такого сознания этических координат. В этой системе герой фаталистического

мифа, мужественно приняв удар судьбы, превращался в «грешного святого»¹. В средние века в западной литературе по такой схеме было создано несколько популярных историй «христианских Эдипов» с разными именами (папа Григорий, святой Альбан и др.). Затем по мере развития учения о сверхдолжных заслугах святых эти истории вместе с другими легендарными примерами силы покаяния отступили на периферию западной культуры на правах «преданий милой старины».

В конце XVI в. две христианские обработки Эдипова сюжета (апокрифическая биография Иуды и история папы Григория Столпника) пришли к восточным славянам, и очень скоро, уже в местных условиях, возникла его третья вариация. Ее герой, один из первых русских *великих грешников*, был назван именем православного святого, автора знаменитого Великого канона Андрея Критского². Все три повести на Эдипов сюжет были популярны в восточнославянской рукописной традиции до XX в., вызвав несколько откликов в новой русской литературе (например, поэма К. К. Случевского «В снегах», 1879 [Климова, 2006б, с. 63–64]), а также ушли в фольклор. Запись фольклорной легенды, сделанная в 30-е гг. XIX в. в Забайкалье, легла в основу «Баргузинской сказки» В. К. Кюхельбекера. Упомянем также раннюю отечественную обработку мифологической основы сюжета – трагедию В. А. Озерова «Эдип в Афинах» (1804). Впрочем, в новой русской литературе полная версия данного сюжета встречается редко и обычно смягчена («Жизнь Матвея Кожемякина» М. Горького или «Нижегородский откос» Б. Пильняка) (см.: [Климова, 2006б]), чаще же двуединый «Эдипов грех» представлен в ней одной из своих сторон – либо как инцест, либо как отцеубийство.

Весьма распространено представление, что мотив инцеста чужероден русскому сознанию и потому редок в отечественной литературе, но оно далеко от истины. Нам известно более полусотни случаев обращения русских авторов к этому мотиву, часть которых ориентирована как раз на отечественные литературные или фольклорные образцы [Там же]. Не следует отрицать и присутствия в русской ментальности неких защитных механизмов, блокирующих память о подобных прецедентах в искусстве или в жизни. Очевидна также связь этих механизмов с подсознательным убеждением русского человека в исконной правоте родового, «отцовского» начала. Показательны в этом плане авторские изменения мифологической основы в трагедии Озерова: о давнем преступлении заглавного героя говорилось лишь полунамеками, а сам он, вопреки всей предшествующей традиции, пред смертью примирился с сыном Полиником.

Г. Гачев как-то заметил, что Эдипову сюжету (сын убивает отца) русское сознание предпочитает «Рустамов сюжет» (отец убивает сына) [Гачев, 1991, с. 49], и наблюдение это заслуживает внимания. В западноевропейской литературе «Рустамов сюжет» выявлен лишь в случайно уцелевшем фрагменте древнегерманского героического эпоса из времени переселения народов, именуемом «Песнь о Гильдебранде», развязка которой восстановлена по аналогии с другими обработками сюжета. Русское массовое сознание архаичности коллизии сыноубийства не замечает, связывая ее не с былинной битвой Ильи Муромца и Сокольника, а с культовыми для этого сознания именами Ивана Грозного, Петра I, Тараса Бульбы и даже Сталина. Олицетворением Отечества, которому приносятся в жерт-

¹ «Грешный святой» – принятое нами условное обозначение агиографического персонажа, биография которого включает эпизод нравственного падения-восстания. О православных святых такого рода см.: [Климова, 2010, с. 9–18; 127–134].

² Эта странная атрибуция объясняется тем, что некоторые метафоры из покаянных признаний безымянного героя канона были на Руси поняты буквально, герой же наивно отождествлен со своим создателем [Климова, 2006а].

ву жизни детей, служили образы родителей и в советском искусстве времени войны с фашистской Германией (например, плакат Г. Тоидзе «Родина-мать зовет!», пьеса Л. Леонова «Нашествие», повесть Б. Горбатова «Непокоренные», фильм М. Чиаурели «Георгий Саакадзе» и др.). Таким образом, заложниками национального мифа, независимо от их реальных взаимоотношений, оказывались военнопленный Яков Джугашвили и его державный отец, Иосиф Сталин, отказавшийся выручить сына из плена.

Концепт семьи в отечественной культуре «Рустамовым сюжетом» не исчерпывался. Например, не менее близка русскому сердцу была и мудрая человечность евангельской притчи о блудном сыне³. Правдиво изображала русская литература и разрушение патриархальной семьи во всех слоях общества. Необратимые изменения в глубинах народной жизни отразила уже пушкинская «Песня о Георгии Черном», добавленная автором от себя в корпус переводных «Песен западных славян» (1835)⁴. Ее герой, вождь сербского освободительного движения, убивал отца из патриотизма, но то же чувство заставило его отца выдать сына врагам, деятельность которого казалась старику губительной для Сербии. Сложность народного (и авторского) отношения к этой семейной трагедии передают финальные строки «Песни»: «С той поры Георгий Петрович / У людей прозывается Черным» [Пушкин, 1980, с. 386]. В этой мастерской стилизации нам видится гениальное предчувствие тех социальных катаклизмов, которые менее чем через столетие до основания потрясут Российскую империю, разрушив все традиционные связи между людьми. Рассказать об эпических битвах между кровными родичами выпало на долю М. Шолохова, И. Бабея и других зачинателей советской литературы.

Несмотря на модернистскую природу советского проекта, заменить традиционную семью утопией «всемирного человеческого общежития» на одной шестой части суши не удалось. Непротиворечивой концепции «новой семьи» за семьдесят лет реализации проекта также не появилось, в жизни же сосуществовали тенденции прямо противоположные, которые также не преминула отразить советская литература. Но в глазах ее лучших мастеров братоубийство и разрушение семей во время Гражданской войны были симптомами тяжелой болезни нации. В рассказе И. Бабея «Письмо» авторское отношение к изложенным в нем кровавым событиям проявилось в финальном описании семейной фотографии Курдюковых, где юного автора письма нет. Лица его отца и старших сыновей, в недалеком будущем ставших непримиримыми врагами, одинаково неприятны, жестоки или тупы, и только трогательная фигурка «крохотной крестьянки», старой матери семейства, излучает свет робкой надежды. Почти половина «Донских рассказов» М. Шолохова содержит эпизоды взаимного истребления кровных родственников, но автор завершает сборник рассказом «Чужая кровь», в котором родители убитого на стороне белых казака спасают от смерти и усыновляют юного продармейца – древний, как мир, родительский инстинкт оказывается силой, противостоящей всеобщему ожесточению классово-войны. Судя по этим текстам, отказываться от семьи как таковой советская литература в ее лучших образцах явно не собиралась.

Отражением советского взгляда на семейные отношения считается история Павлика Морозова, ставшего одной из культовых фигур советской идеологии, но история его оказалась далеко не однозначной. Жизнь и смерть уральского подростка, убитого вместе с младшим братом во время коллективизации, несколько раз

³ Уже через два столетия после крещения Руси авторская рецепция этого фундаментального христианского мифа обнаруживается в Слове о полку Игореве.

⁴ Изображенный в этом цикле славянский мир при всех этнических противоречиях составляет единое целое, свою причастность которому чувствует и русский читатель.

были радикально переосмыслены⁵. Официальный образ пионера-героя, разоблачившего кулака-отца и ставшего жертвой классовой борьбы в родной семье, в годы перестройки и гласности сменила в массовом сознании омерзительная фигура малолетнего «доносчика 001», убитого сотрудниками ОГПУ в целях провокации. Впрочем, изучение архивных материалов показало, что оба эти образа далеки от правды. Реальный Павлик вряд ли был пионером и на отца своего, председателя сельсовета, не доносил. Возможно даже, он был его невольным сообщником, не привлеченным к уголовной ответственности лишь по малолетству (подложные справки в деле Трофима Морозова написаны детской рукой на листах из ученической тетради). Сгубила же юных братьев, скорее всего, дисгармония внутрисемейных имущественных отношений, выраженная в желании деда любой ценой вернуть себе земельный надел осужденного сына. Неизменно лишь отношение к Павлику в его родной деревне, где сохранили даже его бронзовый памятник. В традициях народного православия могила невинно убиенных отроков Павла и Федора окружена почитанием односельчан, и локальный культ их возникает фактически на наших глазах.

Даже в ее официальном виде смысл истории убийства Павлика Морозова не сводится к примитивной агитке. Отсюда внимание к ней мифотворцев советской эпохи – М. Горького и С. М. Эйзенштейна. Для великого кинорежиссера «выбор Павлика» не был умозрением (в юности он пошел против воли отца, отказавшись эмигрировать вместе с ним). Конфликт старого и нового в его фильме «Бежин луг», в основу которого была положена история Павлика Морозова, был по-настоящему трагичен (показательной в этом плане была сцена разрушения церкви, которая начальство режиссера попросту испугала). Неприемлемым показалось «руководящим товарищам» и использование христианских символов, придававших юному герою фильма черты страстотерпца, хотя житийную составляющую образа Павлика Морозова Эйзенштейн своим чутьем мифотворца распознал безошибочно. Но не увидели зрители не только первую версию этого фильма, уничтоженную за «формализм», работа режиссера над его второй версией по «идеологически выдержанному» сценарию И. Бабеля также была прервана в самом начале. Значительного воплощения история Павлика Морозова на языке «важнейшего из искусств» в советский период так и не получила⁶, тогда как в фашистской Германии снятая по той же схеме агитационная лента о мальчике из гитлерюгенда, убитом коммунистами, пользовалась успехом. Пропаганда «подвига Павлика Морозова» была явно ограничена «детским сектором» советской культуры. Возможная причина этого заключается в том, что державный «отец народов», воззрения которого на семью в силу его воспитания и образования были достаточно консервативны, втайне недолголюбил малолетнего предателя. Из десяти библейских заповедей, отвергнутых «новой моралью», заповедь почтения к родителям поддавалась искоренению в советском массовом сознании, кажется, с наибольшим трудом. Отчасти это объясняется особым местом данной заповеди в иерархии христианского Закона. Открывая собой свод основных правил поведения человека среди людей, пятая заповедь регулирует не только его положение в семье, но и отношения с церковной и светской властью. На протяжении веков русский человек именовал, а нередко и ощущал «батюшкой», помимо кровного

---

⁵ Исследование версий смерти Павла и Федора Морозовых с привлечением архивных материалов послужило основой документального фильма – см: Как убивали Павлика Морозова? История одного мифа. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=NGLpyrgK3p4> (дата обращения 29.06.2019).

⁶ Единственная, не очень удачная, экранизация истории по одноименной повести А. Яковлева, появляется лишь в 1963 г. (фильм «Павлик Морозов», режиссер Л. Дурасов).

отца, своего крестного, а также далекого царя, ближайшего начальника и приходского священника. Но, почитая своих «земных отцов», христианин связан высшими обязательствами с Отцом Небесным, и связь эту определяют первые четыре заповеди, приоритетные последующим. Поэтому слишком сильная, «больше, чем Бога», любовь человека к его родителям или детям считается тяжким грехом, а исполнение его обязательств перед Богом важнее соблюдения правил его поведения с себе подобными. Русское православие в основе своей все же не фанатично, а, скорее, снисходительно к людскому несовершенству. Жесткость выбора между «земной» и «небесной» семьей оно, за исключением раннего Жития Феодосия Печерского, также склонно смягчать. Примером тому может служить духовный стих об Алексее Человеке Божьем, который был любим массовым сознанием за мелодраматизм развязки и связанное с нею чувство сострадания к покинутым родителям героя. Слушатели жалели также молодость и красоту самого Алексея, принесенные в жертву его не слишком понятным духовным устремлениям (едва ли случайно «алешей» в народе называли человека глупого и непрактичного), хотя право юности на самостоятельный путь, ошибки и заблуждения русское сознание также признавало.

Непростой историко-культурный фон, который мы коротко попытались обозначить, следует учитывать при рассмотрении трех очень разных советских повестей 1970-х гг. Их авторы в самое «безбожное» время, не сговариваясь, обратились к судьбам разнообразных нарушителей заповеди о почитании родителей.

Повесть Ф. Абрамова «Поездка в прошлое», завершенная в 1974 г., увидела свет во время перестройки [Абрамов, 1989]. Журнальную публикацию произведения сопровождала пространная статья вдовы писателя Л. Крутиковой-Абрамовой. Согласно ее архивным разысканиям, неизданный одноименный рассказ 1963 г. в процессе раздумий его автора о последствиях коллективизации был сюжетно усложнен и разросся до размеров небольшой повести с иным финалом [Крутикова-Абрамова, 1989].

Начало действия в рассказе и повести совпадает. Поздней осенью немолодой и сильно пьющий колхозный конюх Никифор (Микша) Кобылин по просьбе некоего приезжего едет с ним в тайгу на место бывшего лагеря спецпереселенцев. Погода портится на глазах, но Микша едет охотно, и не только в надежде выпить задарма. Ведь поездка – это повод поделиться воспоминаниями о лучших годах его нескладной жизни – ранней юности, совпавшей с коллективизацией. Тогда в районе верховодили знаменитые братья Кобылины, героической жизни которых, а также смерти одного из них, Мефодия, от руки классового врага⁷ доньше посвящена специальная экспозиция в местном музее. Микша, их родной племянник по матери, чувствует на себе отблеск этой славы. Юношей он старался во всем им подражать, и хотя его дальнейшая жизнь не удалась, ему приятно вспоминать о своем участии в массовых мероприятиях тридцатых годов (например, субботнике по разрушению старой часовни, ныне объявленной памятником старины). Кое-что в этих воспоминаниях Микшу смущает. Так, ему неприятна жестокость, с которой руководимые им деревенские подростки преследовали своих «классово чуждых» ровесников, но и ее он готов оправдать требованиями сурового времени. После двадцатого съезда слава братьев Кобылиных несколько поблекла, но и сейчас Микшу восхищают их бескорыстие, верность идеалам и даже мужское обаяние дяди Мефодия, разбившего немало женских сердец. Столь же немолодой спутник Микши разговор едва поддерживает, но по его редким репли-

---

⁷ Другой брат, Александр, начальник районной милиции, по официальной версии, погиб от несчастного случая, но в одном из черновых вариантов Микша узнает, что тот застрелился после того, как арестовал обвиненного во вредительстве боевого товарища.

кам герой понимает, что в этих местах он не впервые. Лишь в конце их совместной «поездки в прошлое» Микша узнает в нем недруга юности, вожака «кулацких» детей, и услышит от него правду об обстоятельствах гибели дяди Мефодия, в ту пору коменданта лагеря спецпереселенцев. Ведь убил его этот человек, тогда обезумевший от горя подросток, лишившийся по вине коменданта последнего родного человека, юной сестры (став жертвой его насилия, она покончила с собой). На вопрос Микши, не пытался ли он признаться в своем преступлении, его собеседник угрюмо отвечает, что сделает это после покаяния тех, кто ссылал и морил голодом тысячи крестьянских семей. В рассказе он говорит также о необходимости отказа от мести, чтобы прервать цепь зла. Потрясенный этой встречей, Микша рассказывает о ней жене, но та его чувств не понимает и переводит разговор на пьянство мужа. Герой пробует заглушить свою тоску актом пьяного вандализма, заметкой о котором из районной газеты рассказ и завершается.

Повесть же развенчанием прежних кумиров не кончается, ибо становится известно, что на совести героя лежит тяжкий грех. Когда отец Микши Иван Варзюмов, был арестован как «враг народа», юноша-сын от него отрекся по совету дяди Александра и взял девичью фамилию матери. Совет дяди не вызвал возражений Микши, и прежде мучительно стеснявшегося своего отца, его религиозности и «старорежимных» представлений о добре и зле, особенно же его откровенного сочувствия раскулаченным. Отец и арестован был за то, что помогал им с получением каких-то справок. (Эта деталь напоминает дело Трофима Морозов и, конечно, неслучайно, поскольку официальная версия истории семьи Морозовых была в то время на слуху.) Своего отца Микша больше не видал, хотя тот из лагеря вернулся в родные края, и лишь стороной слышал, что отец его перед смертью простил, считая, что юношу сбили с толку братья матери.

В горький час разочарования в кумирах юности важнейшие события жизни Микши предстали перед ним в ином свете. Он вспомнил вдруг, как отец уговорил его, глупого юнца, отказаться от мести ссыльным за смерть любимого дяди, пояснив, что их семья и так уже в ответе перед людьми за дела братьев Кобылиных. Уступка Микши этим уговорам прежде казалась ему слабостью, но не был ли то голос его природной совестливости? После своего отречения юноша так страшно пил, что даже угодил в тюрьму по бытовой статье, окончательно сбившись с пути. На деле он непоправимо надломил свою жизнь раньше, когда, поддавшись уговорам дяди, отрекся, по сути, потерял себя. И если некоторые пожилые односельчане все же относились к нему с подчеркнутым уважением, то лишь потому, что видели в нем сына Ивана Варзюмова – родного по крови, но почти неизвестного ему человека. Микша загорается желанием немедленно все разузнать о нем.

По крупницам собирая сведения об отце у последних помнящих его стариков, герой повести с удивлением узнает, что жизнь потребовала от этого тихого и рассудительного человека немало отваги. До революции он был бессменным казначеем крестьянского пароходства на паях, боровшегося с монополией в речном транспорте могучего торгового дома, а во время красного террора едва не заплатил своей жизнью за то, что предупредил односельчанина, попавшего в расстрельные списки. Многого Микша ожидал от встречи с народным учителем Павлином Усольцевым, посвятившим жизнь делу просвещения этого дикого северного края. Ведь этот почтенный старик не только был другом отца и также прошел лагеря, но и простил, как видно, предательство своих учеников, не возражавших против его ареста и осуждения, раз после освобождения вернулся к ним. Но, узнав, кто пришел к нему, старый учитель со словами «Не все дела забываются!» закрывает перед незванным гостем дверь. В его глазах предавший отца сын иного не заслуживал.

Потерянно пробуждая всю ночь, герой повести на рассвете выходит к родному селу. Уже на пути к своему дому он замечает странное явление, о котором давно шептались деревенские старухи. В старой часовне горят огоньки множества свечей, оттуда доносится колокольный звон и тихое пение. Микша узнает в нем печальные песни ссыльных, над которыми когда-то плакал его отец, и, повинувшись внезапному порыву, сворачивает туда. Под звуки призрачного реквиема, не замечая начавшейся метели, Микша впервые в жизни идет на старый погост к отцу, где тот по предсмертной просьбе похоронен вместе с раскулаченными.

Как и рассказ, повесть также заканчивается заметкой из районной газеты, но содержание ее иное. Призывая к борьбе с пьянством, автор заметки как пример последствий дружбы с «зеленым змием» сообщает о нелепой смерти Н. Кобылина, в нетрезвом виде замерзшего на одной из могил заброшенного погоста. Использование мифологем русской и мировой литературы нередко в абрамовской прозе, и знакомый с отечественной классикой читатель закономерно вспомнит при этом финальные страницы романа М. Е. Салтыкова-Щедрина «Господа Головлевы». Правда Порфирий (Иудушка) Головлев волею автора до могилы матери так и не дошел и замерз при дороге, ведь его полное тоски предсмертного одиночества раскаяние почти не осознанно, а страшный конец предreshен судьбой евангельского «тезки» – Иуды. К этому библейскому персонажу великий сатирик, судя по его сказке «Святая ночь», был особенно суров. Что касается незадачливого героя Абрамова, по-своему честного и искренне раскаявающегося, автор милосердно позволяет ему воссоединиться с отцом посмертно. Отметим также использованный в повести особый вариант концовки притчи о блудном сыне, когда заблудшее дитя возвращается к отцу слишком поздно, лишь на его могилу. Этот вариант восходит, на наш взгляд, к классическому образцу – пушкинскому «Станционному смотрителю».

Остросужетная «Расплата» В. Тендрякова (1979) [Тендряков, 1982] соединила в себе черты нескольких разновидностей советской повести – криминальной, «городской», «школьной». Начинается она сообщением о тяжком преступлении. Глубокой ночью в своей квартире выстрелом из охотничьего ружья в упор убит Рафаил Карякин, известный в городе своим дурным нравом и буйством во хмелю. Но главный вопрос детектива «Кто убил?» перед читателем не возникает, ибо о случившемся сообщил сам убийца – сын потерпевшего, девятиклассник Коля. С детства страдая за себя и мать от пьяной жестокости отца, юноша наконец не выдержал, да и ставшее орудием убийства ружье все время висело на видном месте и, как в чеховском афоризме, рано или поздно должно было выстрелить. Правда, мать Коли в предчувствии беды ружье регулярно разряжала, но глава семьи упрямо заряжал его вновь и точно торопил свой страшный конец. Обстоятельства преступления вполне ясны, но следователь не спешит передать его в суд. Отцеубийство – злодеяние слишком необычное, чтобы без особого разбирательства взвалить всю вину за него на неокрепшие плечи подростка. Ведь злосчастная семья жила не в глухом лесу, а в городском многоквартирном доме. Куда же глядела пресловутая общественность? С точки зрения следователя, заслуживает отдельного внимания и личность убитого.

Беседуя с женой и матерью потерпевшего, с его соседями, сослуживцами и даже с когда-то любимой им женщиной, следователь восстановил цепь основных событий жизни Рафаила Карякина. Отпрыск связи хозяйского сына с батрачкой, сбежавшей от позора из раскулаченной деревни на большую стройку, он рос безотцовщиной и рано стал грозой района. «Приручил» молодого хулигана, заметив его техническую одаренность, предприимчивый старший товарищ Иван Пухов. Позднее, став главой мастерской автосервиса, он устроил Рафаила к себе, позволял хорошо зарабатывать, не мешал по вечерам «расслабляться», но совсем

спиваться не давал и регулярно вызволял из милиции. Этот «симбиоз» столь разных людей не разрушила даже их любовь к одной женщине. Искавшая покоя красавица, предпочла брак с надежным Иваном буйной страсти Рафаила, перед этим сосватав ему свою робкую подружку Анну. Зная, что пьяный Рафаил вымещает свое недовольство жизнью на нелюбимой жене и единственном сыне, Людмила Пухова не может не чувствовать угрызений совести, к тому же сытая бездетная жизнь ее невыносимо скучна. Поэтому она неоднократно предлагала Анне отдать мальчика на воспитание ей, но получила решительный отказ. Только после катастрофы мать Коли с ужасом поняла, что руководствовалась она при отказе не привязанностью к сыну, а эгоистической потребностью в его жалости и поддержке. Она даже нарочно распаляла ненависть Коли к отцу, но не пыталась сама хоть что-то изменить в безрадостной жизни семьи. Виражи истории, игра мелких себялюбий и всеобщее равнодушие – все это, к сожалению, людскому суду не подвластное, неотвратимо приближало трагедию в семье Карякиных.

Хотя известие о смерти сына даже родная мать, видевшая в нем некое подобие Антихриста, приняла без сожаления, в процессе расследования выявляется сложность и неоднозначность личности убитого. Свою вину перед ним эта темная и душевно неразвитая женщина осознала лишь в разговоре со следователем. Внебрачного ребенка она сохранила, чтобы удержать богатого любовника, но деревенская жизнь резко изменилась, ее дитя еще в материнском чреве превратилось в «подкулачника» и стало обузой, вечным позором и мукой. Полюбить его она так и не смогла, хотя ее мальчик нуждался в этом, как всякое дитя. Единственной привязанностью подросткового Рафаила была злобная, но преданная ему собака (хозяин однажды пробовал утопить ее за съеденное без спросу сало, но она спаслась и вернулась домой с обрывком веревки на шее). Ничего подобного этой верности Рафаил не находил ни в хитром Пухове, утвердившем свою власть над ним убийством этой собаки, ни в расчетливой Людмиле, ни в забитой и жалкой Анне и потому все сильнее ожесточался. Уже и Пухов справлялся с ним с трудом. Но жене Пухова, прозябающей в золотой клетке, иногда кажется, что в том давнем выборе она ошиблась. Влюбленный Рафаил лишь с нею одной и считался; возможно, она сумела бы направить его необузданные силы в доброе русло и теперь гордилась бы мужем как своим творением. На положительный потенциал этого персонажа намекает и его редкое имя. В христианской традиции им назван третий (после Михаила и Гавриила) из семи предстоящих Богу верховных ангелов, ангел-целитель, один из героев Книги Товита. Рафаил Карякин – светлый голубоглазый блондин и «целитель» автомобилей – некий отсвет высшей природы еще сохранил, хотя ангел этот давно и непоправимо пал. Библейскими именами Соломон и Даниил (в миру Данила) наделены в повести и два его коллеги-собутельника, и то, что это имена мудрейшего из людей и великого пророка, придает их словам особую значимость. Осознав себя орудием в чужой игре, эти опустившиеся люди добровольно идут в милицию, чтобы рассказать о делах Пухова. Говорят они и о своем сиротстве без Рафаила: тяжелый в общении и буйный во хмелю, он все же нуждался в них и тем оправдывал их существование. До конца осознает невосполнимость этой утраты его убийца, но об этом чуть позже.

Мучительно осмысляет трагическое происшествие и учитель литературы, вызванный к месту убийства соседкой и одноклассницей Коли Соней. Ведь убийца – его ученик, которым он втайне гордился (три года назад трудный ребенок из неблагополучной семьи, Коля вдруг резко изменился в лучшую сторону). Совесть учителя неспокойна – зная о тяжелой атмосфере в семье подростка, он по большому счету ничем не помог своему ученику в беде. К тому же отец Сони при встрече назвал учителя главным виновником случившегося, ведь тот учил детей активно сопротивляться злу. Сначала педагог отказывается этому верить. Стать

учителем литературы он решил на фронте как раз для того, чтобы пробуждать «чувства добрые» в подрастающих поколениях. Но, призывая не проходить мимо отрицательных явлений, он, кажется, забыл указать границы, за которыми «добро с кулаками» становится своей противоположностью. Поэтому его ученица Соня видит в отцеубийце Коле не преступника, а героя, защищавшего мать. Она почти убедила в этом одноклассников, и лишь сам Коля был с нею не согласен.

С момента рокового выстрела в его душе не прекращается мучительная работа. Воспитанный советской атеистической школой подросток в одиночку, опытным путем, постигает вечную правоту заповедей «Не убий» и «Чти отца своего...». Пелена ненависти к отцу навсегда спала с его глаз, когда он увидел распростертое в крови отцовское тело и похолодел от сознания непоправимости происшедшего. Рафаил Карякин был плохим отцом и мужем, но теперь сын все чаще представлял редкие эпизоды их душевной близости, например единственную совместную рыбалку. Помнил Коля и тот день, когда в окно залетела лесная птица, и отец с необычной для него нежностью выпустил ее на волю, а вечером принес домой кенара в клетке. Несколько дней отец не пил, мир воцарился в семье, но вскоре все пошло по-прежнему, а кенар зачах, сброшенный на пол вместе с клеткой при первом же скандале. Мать этот случай даже не запомнила, Коля же отныне знал, что отец может быть другим. Поэтому, выстрелив в пьяного зверя, подросток вместе с ним убил и того, другого отца. Покаянные переживания Коли усугубляются тем, что ему не с кем ими поделиться. Ожесточенная мать продолжает во всем винить мужа, а Соня, с которой мальчика связывает трепетное и еще не названное вслух чувство первой любви, на первом свидании в КПЗ восхищена им как героем. Коля в гневе прогоняет ее и остается наедине с муками совести. Далее следует почти невозможная в советском реалистическом повествовании мистическая сцена: на помощь сыну в этот горький час из-за порога небытия приходит его отец. Точно стремясь удержать Колю от впадения в смертный грех отчаяния, Рафаил Карякин советует ему вспоминать только лучшие моменты их общения. В повести В. Тендрякова, как и в рассмотренной нами ранее повести Ф. Абрамова, история блудного сына снова трагически изменена – посмертно возвращается к сыну убитый им «блудный отец» и место их встречи не дом, а КПЗ. На разной степени осознания своей вины и раскаяния оставлены в конце повествования и другие персонажи.

В этой повести также присутствуют мотивы русской классики. Так, история с собакой Рафаила – это мрачный парафраз «Муму». Но главный литературный источник и образец «Расплаты» – «Преступление и наказание». Разнообразие аллюзий и реминисценций великого романа в тексте В. Тендрякова могло бы стать темой отдельного исследования. Здесь же лишь укажем на возможную полемику автора повести с теми, кто, не считая проблематику романа актуальной в эпоху развитого социализма, сомневался в необходимости введения его в школьную программу. Использование повествовательной формы «история одного преступления», открытой Достоевским, помогло советскому автору зримо показать реальные противоречия и этические проблемы современного ему общества.

Повесть «Вдовий пароход» (1979) мастера советской женской прозы И. Грековой (литературный псевдоним профессора математики Е. С. Вентцель) [Грекова, 1998] – неспешный рассказ о жизни обитателей московской коммунальной квартиры с предвоенных лет до начала освоения целины. Свое вынесенное в заглавие прозвище квартира получила за то, что живут в ней главным образом немолодые вдовы женщины разных профессий. Каждая показана в повести убедительно и точно, с глубоким пониманием руководящей ею личной «правды». (Мысль о такой правде – одна из сквозных в творчестве И. Грековой.) Рассказ ведется

в основном от лица одной из пассажирок «парохода» – искалеченной войной пианистки, ныне музыкального работника в Доме ребенка.

Интересующая нас коллизия представлена в повести сюжетной линией Анфисы и Вадима Громовых, матери и сына. Если Рафаил Карякин у В. Тендрякова стал жертвой социального «авитаминоза любви», то Вадим Громов, рожденный в конце опустошительной войны, в первые годы жизни любовью окружающих наделен с избытком, а обожанием немолодой матери даже тяготился. Рослый и красивый, он одним своим видом радовал одиноких соседок и отогревал душу отца-фронтовика, а в Доме ребенка, где работала его мать, стал маленьким королем, свысока глядевшим на ровесников-сирот. Но рай раннего детства вскоре был навсегда потерян. Вадима по возрасту перевели в обычный детский сад, где он сразу же перестал выделяться, потом трагически погиб его отец, мать надрылась на работе, чтобы в одиночку обеспечить его необходимым, и избалованный общим вниманием ребенок все чаще был предоставлен самому себе. Ничего не понимая, он всерьез и надолго обиделся, взяв на вооружение где-то услышанную фразу «Все люди врут!» В правоте этого мрачного утверждения мальчика вскоре убедило новое потрясение. Из случайно подслушанного на общей кухне разговора он узнал, что покойный Федор Громов не был ему отцом, усыновив ребенка, беременной которым его жена, фронтовая медсестра, вернулась с войны. Дружившая с Анфисой соседка-пианистка нужных слов для утешения мальчика не нашла, и он озлобился еще сильнее, мать же свою отныне откровенно третировал. Мир взрослеющего Вадима кажется ему опутанным ложью. Ложь он находит повсюду – в заботах о нем матери и шумных забавах одноклассников, в наставлениях учителей, советах книг и опыте первой любви. Едва на пороге жизни этот юный «байронит» (воспользуемся определением В. Аксенова) не видит в ней цели и смысла, предпочитая плыть по течению.

Судьба Анфисы Громовой – наглядный пример последствий чрезмерной родительской любви (та же тема, пропущенная через религиозное сознание, появляется и в рассказе Капы Гущиной, другой героини «Вдовьего парохода», о своем недолгом материнстве). Малообразованная, но тонко чувствующая и тянущаяся к культуре, Анфиса смысл своей жизни видит в самоотверженной любви. Она и медсестрой на фронт пошла, чтобы оказаться ближе к мужу, от которого долго не было вестей. С Федором на войне она не встретилась, зато в кратком романе с одним из раненых познала неведомую ей прежде любовную страсть и обрела счастье материнства. Чувству к сыну она отдалась так же слепо и безоглядно, как прежде страсти к его отцу. Перед безрассудством «рабской материнской любви» отступил даже ее врожденный педагогический дар. Из многих воспитанников Анфисы ей не отвечал взаимностью лишь собственный сын, с рождения окруженный ее заботой, как воздухом, и потому ее не ценящий. Наивно радуясь общему восхищению маленьким Вадимом, его мать проглядела в душе ребенка ростки эгоизма и высокомерия, своевременная борьба с которыми избавила бы их обоих от многих разочарований в будущем. Презрение сына, узнавшего тайну своего рождения, она принимает безропотно, помня о своей вине перед мужем. Но грубость Вадима мучительна ей, и развитие ее нервного расстройства показано автором с медицинской достоверностью. Стена отчуждения между близкими людьми крепнет день ото дня. Не избежит Анфиса и еще одной нередкой родительской ошибки, навязывая Вадиму исполнение своей мечты о его высшем образовании. Уступив мольбам матери, юноша кое-как поступает в неинтересный ему вуз, но учиться не хочет, за что и отчислен. После этого он демонстративно уезжает на целину. Восприняв крушение своих надежд как позор, Анфиса вскоре выходит на пенсию, оставив любимую работу, и, чуждаясь соседок, замирает в печали.

Целина встретила Вадима неласково, но он освоился, выучился на шофера и даже однажды послал деньги домой. Как-то раз, проведя зимнюю ночь в степи в машине с заглушим мотором, он должен был погибнуть, но лишь слегка обморозил ноги, и это резко изменило его мировосприятие. В больнице от непривычных мыслей он начал читать (особенно ему понравилась книга без начала и конца о разбойнике и епископе – начальный фрагмент романа В. Гюго «Отверженные») и все больше тосковал по матери. В этом новом состоянии он и получает телеграмму о тяжелом инсульте Анфисы. Примчавшись в Москву, отказываясь от чужой помощи, Вадим самоотверженно ухаживает за бесчувственным телом матери, и уже прикоснувшись к ней смерть на время отступает. Анфиса приходит в себя, узнавая посетителей и что-то лепеча, но не встает, и в таком состоянии выписана из больницы. Бережно ухаживает за ней Вадим и дома, по-прежнему гордо отвергая помощь соседок. Немало сил отнимают у него попытки установить контакт с матерью, но желанного «Сынок!..» от нее он так и не услышит – Анфиса лишь произносит с разными интонациями два бессмысленных слова. Когда заработанные на целине деньги кончаются, Вадим устраивается чистильщиком обуви неподалеку от дома, в гордом одиночестве продолжая свою борьбу за жизнь матери. Но все усилия его запоздалой любви бесплодны – после второго инсульта больная тихо умирает. В одну из следующих ночей Вадим видит во сне свои многочисленные вины перед матерью и просыпается на мокрой от слез подушке. С этих-то слез, замечает рассказчица, и началась его новая жизнь, содержание которой остается за пределами повести.

Как и в предыдущих повестях, финал истории блудного сына в произведении И. Грековой снова трагичен: возвращение Вадима запоздало – желанная встреча с матерью омрачена непоправимыми последствиями нарушения пятой заповеди⁸. Отметим, что присутствие мотивов классической русской литературы имеет в повести особый характер: юный герой насмешливо отвергает ее нравственные уроки, броню его напускного цинизма пробивает лишь упомянутый нами ранее роман В. Гюго, выразивший идею спасительной силы покаяния с романтической прямолинейностью. Далеко не безразличный для отечественной культурной традиции, этот роман принципиально отличен от русских аналогов тем, что раскаявшийся главный герой показан в нем в основном на пути исправления. Но к Вадиму сочинение В. Гюго дошло в поврежденном виде и, как видно, «готовых рецептов» ему не дало. Герой повести очень «по-русски» оставлен автором на пороге неведомой «новой жизни», и можно лишь предположить, что в нее войдет его забота о стареющих пассажирках «вдовьего парохода».

Рассмотренные нами повести – наглядный опыт адаптации мифа о великом грешнике к условиям тотальной атеистической пропаганды. То, что главный герой рассмотренных повестей – нарушитель пятой заповеди – помещен в контекст событий недавнего прошлого, может показаться успешным способом перевода религиозной проблематики мифа в русло вечных и общечеловеческих ценностей. Но печальный и даже трагический колорит всех трех историй «блудного сына по советски» – тревожный знак неблагополучия мира, лишеного Бога. Время создания повестей, гордо названное «эпохой развитого социализма», на деле было периодом мучительного застоя, и симптомы тяжелой социальной болезни страны лучшие из наследников великой русской словесности честно запечатлели еще тогда.

---

⁸ Запоздалое раскаяние звучит и в признаниях набожной Капы Гушиной, относящейся к Анфисе с осуждением, и лишь после инсульта героини осознавшей греховную подоплеку своего отношения к ней.

Список литературы

- Абрамов Ф.* Поездка в прошлое: Повесть / Подгот. к печати Л. Крутиковой-Абрамовой // *Новый мир*. 1989. № 5. С. 5–20.
- Аверинцев С. С.* К истолкованию символики мифа об Эдипе // *Античность и современность: к 80-летию Ф. А. Пиотровского*. М., 1972. С. 89–102.
- Гачев Г. Д.* Русская дума: Портреты русских мыслителей. М., 1991.
- Грекова И.* Вдовый пароход: Избранное. М., 1998.
- Климова М. Н.* Великий канон Андрея Критского как источник его апокрифического жития // *Общественное сознание населения России по отечественным нарративным источникам XVI–XX вв.* Новосибирск, 2006а. С. 107–117.
- Климова М. Н.* Из истории «Эдипова сюжета» в русской литературе // *Вестник Томского гос. ун-та. Гуманитарные науки (Филология)*. 2006б. Вып. 8 (59). С. 60–66.
- Климова М. Н.* От протопопы Аввакума до Федора Абрамова: Жития «грешных святых» в русской литературе. М., 2010.
- Климова М. Н.* «Покаяние и спасение великого грешника» как русский национальный миф: к постановке проблемы // *Духовная культура и общественная мысль в России в литературных и исторических памятниках XVI–XX вв.* Новосибирск, 2016. С. 142–157.
- Климова М. Н.* Тюремно-лагерный локус русской литературы в контексте мифа о великом грешнике // *Встречи и диалоги в смысловом поле культуры: Материалы Вторых и Третьих культурологических чтений (Чернолуцье, февраль 2012 г., Тара, октябрь 2012 г.)*. Омск, 2013. С. 48–62.
- Крутикова-Абрамова Л.* В поисках истины // *Новый мир*. 1989. № 5. С. 20–38.
- Пушкин А. С.* Собр. соч.: В 2 т. М., 1980. Т. 1.
- Тендряков В.* Расплата: Повесть. М., 1982.

M. N. Klimova

*Tomsk State University
Tomsk, Russian Federation*

**To the History of Russian Myth of the Great Sinner:
Breakers of the Fifth Commandment in the Soviet Novel of the 1970s
(F. Abramov, V. Tendryakov, I. Grekova)**

A meta-story of “repentance and salvation of a great sinner” became world-famous as part of the Christian ethical doctrine, and was enshrined in the sacrament of confession. For a number of reasons it lost its relevance in the West by the beginning of the New Age, but gained a second life in Russia as one of the myths of national consciousness. The Russian adaptations of the great sinner myth are characterized by a “sobornyi” approach to a problem of personal guilt and redemption, as well as fixation on open endings. The myth’s motifs and variations are widely represented in Russian classical literature works, as well as Soviet writers’ works. The article is devoted to one of the variants of existence of the myth in the Soviet period – a history of a breaker of the fifth commandment (on filial piety) on the example of three novels of the 1970s. “A Trip to the Past” by F. Abramov (1974), which was published in the years of perestroika, is one of the first attempts at a truthful depiction of collectivization. The main character of this little novella, plunging into the memories, overestimates the people and events of his youth, but betrayal of his father, who was declared as “the enemy of the people”, he could redeem only at the cost of his own life. V. Tendryakov’s suspenseful novel “Payback” (1979) is devoted to investigation of a serious crime – patricide committed by a teenager, but a traditional form of detective narration is used in it to raise topical ethical issues of modern life. The study of the causes and back-

ground of the private tragedy of the Karyakins family reveals the weak points of interaction between the individual and society, the family and the state, as well as the definition of permissible limits for active resistance to evil. I. Grekova's "The Widow's Steamer" (1979) is a vivid example of "female prose". It tells about the life of the inhabitants of a Moscow communal apartment during several decades. One of the main plotlines of the story is dramatic relationship between mother and son in the Gromov's family. Cruel youthful maximalism and egocentrism on the one hand, and "bondage of maternal love" on the other, erect a wall of estrangement between once close people, which cannot overcome even belated repentance of the son. Diverse in a creative manner stories bring together interest of their authors to the recent pages of Soviet history, an active use of mythologems of Russian and world culture, as well as the tragical rendition of the immortal parable of the prodigal son.

Keywords: Christianity and literature, national myths, Russian literature, Soviet literature, Christian ethics, family relations.

DOI 10.25205/2410-7883-2019-2-106-119

References

Abramov F. Poezdka v proshloe: Povest' [A trip to the past: a tale]. *Novyy mir*, 1989, no. 5, p. 5–20. (in Russ.)

Averintsev S. S. K istolkovaniyu simboliki mifa ob Edipe [On the interpretation of the symbolism of the myth of Oedipus]. In: *Antichnost' i sovremennost': k 80-letiyu F. A. Piotrovskogo* [Antiquity and modernity: on the 80th anniversary of F. A. Piotrovsky]. Moscow, 1972, p. 89–102. (in Russ.)

Gachev G. D. Russkaya дума: Portretyrusskikhmysliteley [Russian thought: Portraits of Russian thinkers]. Moscow, 1991. (in Russ.)

Grekova I. Vdoviy parokhod: Izbrannoe [The Widow's Steamer: selected stories]. Moscow, 1998. (in Russ.)

Klimova M. N. «Pokayanie i spasenie velikogo greshnika» kak russkiy natsional'nyy mif: k postanovke problemy ["Repentance and the salvation of the great sinner" as a Russian national myth: To the statement of the problem]. In: *Dukhovnaya kul'tura i obshchestvennaya mysl' v Rossii v literaturnykh i istoricheskikh pamyatnikakh XVI–XX vv.* [Spiritual culture and social thought in Russia in the literary and historical monuments of the 16th – 20th centuries]. Novosibirsk, 2016, p. 142–157. (in Russ.)

Klimova M. N. Iz istorii «Edipova syuzheta» v russkoy literature [From the story of "Oedipus plot" in Russian literature]. *Tomsk State Pedagogical University Bulletin. Humanities (Philology)*, 2006, iss. 8 (59), p. 60–66. (in Russ.)

Klimova M. N. Ot protopopa Avvakuma do Fedora Abramova: Zhitiya «greshnykh svyatykh» v russkoy literature [From Archpriest Avvakum to Fyodor Abramov: Lives of "sinful saints" in Russian literature]. Moscow, 2010. (in Russ.)

Klimova M. N. Tyuremno-lagernyy lokus russkoy literatury v kontekste mifa o velikom greshnike [Prison camp locus of Russian literature in the context of the myth about the great sinner]. In: *Vstrechi i dialogi v smyslovom pole kul'tury: Materialy Vtorykh i Tre'tikh kul'turologicheskikh chteniy* (Chernoluch'e, fevral' 2012g., Tara, oktyabr' 2012 g.) [Meetings and dialogues in the semantic field of culture: Materials of the Second and Third Cultural Studies (Chernoluchye, February 2012, Tara, October 2012)]. Omsk, 2013, p. 48–62. (in Russ.)

Klimova M. N. Velikiy kanon Andrey a Kritskogo kak istochnik ego apokrificheskogo zhitiya [The great canon of Andrei of Crete as the source of his apocryphal life]. In: *Obshchestvennoe soznanie naseleniya Rossii po otechestvennym narrativnym istochnikam XVI–XX vv.* [Public consciousness of the Russian population from Russian narrative sources of the 16th – 20th centuries]. Novosibirsk, 2006, p. 107–117. (in Russ.)

Krutikova-Abramova L. V poiskakh istiny [In search of truth]. *Novyy mir*, 1989, no. 5, p. 20–38. (in Russ.)

Pushkin A. S. *Sobr. soch* [Collected works]. In 2 vols. Moscow, 1980, vol. 1. (in Russ.)

Tendryakov F. Rasplata: Povest' [Payback: a tale]. Moscow, 1982. (in Russ.)

Margarita N. Klimova – Candidate of Philology, Research Library, Tomsk State University (34a Lenin Ave., Tomsk, 634050, Russian Federation, ritabelan.1954@mail.ru)